

Д.В. Михеев

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ МОРСКОГО СООБЩЕНИЯ И АНГЛО-ИСПАНСКИЙ СОЮЗ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР (1558 - 1562 гг.)

В статье рассматривается вопрос о безопасности морского сообщения и его роль в развитии англо-испанских отношений в первые годы правления Елизаветы Тюдор. В конце 50 - начале 60-х гг. продолжал существовать англо-испанский союз. Его сохранение зависело от активности англичан в решении вопросов безопасности проливов и борьбы с пиратами.

Ключевые слова: англо-испанский союз, морское сообщение, пиратство, капер, каперский патент.

D. V. Mikheev

PROBLEM OF THE SECURITY OF MARITIME COMMUNICATION AND ANGLI-SPANISH ALLIANCE IN THE EARLY YEARS OF THE REIGN OF ELIZABETH TUDOR (1558-1562)

The article examines the problem of maritime communication and its role in the development of Anglo-Spanish relations in the early years of the reign of Elizabeth Tudor. In the late 50's - early 60's the Anglo-Spanish alliance continued to exist. Its preservation was dependent on the activity of the Englishmen in dealing with security of the straits and fighting the pirates.

Key words: Anglo-Spanish alliance, maritime communication, piracy, privateer, letter of marque.

Начало колонизации, формирование европейского и мирового рынков в XVI столетии способствовали увеличению роли морского сообщения. Пиратство и каперство, как узаконенный морской разбой, становятся в эти годы неотъемлемым инструментом международной политики. Одним из важнейших международных вопросов данного периода становится проблема безопасности морского сообщения. В свете современных событий проблема пиратства и безопасности морского сообщения вызывает повышенный интерес у исследователей [9, с. 289].

Целью данной статьи является определение роли вопроса о безопасности морского сообщения в отношениях католической Испании и Англии в первые годы правления Елизаветы Тюдор.

В конце 1558 года умерла Мария Тюдор, королева Англии и супруга испанского короля Филиппа II. Английский престол перешёл к младшей дочери Генриха VIII Елизавете. Несмотря на то, что новая королева проявляла симпатию к протестантам и продолжила преобразования в религиозной сфере, испанский монарх не спешил порывать отношения с Англией.

Говоря о сохранении англо-испанского союза в 60-е годы, Д. Уильямсон отмечал, что, помимо многих выгод, существование союза являлось данью старой традиции [25, р.49-50], берущей своё начало в 1489 году с договора в Медина дель Кампо.

Но основных причин для сохранения союза было несколько:

Во-первых, были не вполне ясны намерения молодой королевы, и сохранялась вероятность, что Англия останется католической державой. Сама Елизавета была незамужней женщиной, и Филипп II мог надеяться на брак с ней;

Во-вторых, Англия являлась одним из крупнейших торговых партнёров Испании и Испанских Нидерландов;

В-третьих, англичане являлись основными союзниками испанцев в борьбе с французами. Только английский флот мог обеспечить безопасность испанских и фламандских кораблей в

проливе. Начинать новый конфликт с бывшими английскими союзниками, истощённая восьмью годами непрерывных войн с турками и французами, Испания сейчас не могла [21, р. 148].

События, оказавшие заметное влияние на развитие отношений двух союзных государств и дальнейшую политику Елизаветы Тюдор, развернулись ещё до её восшествия на престол. В 1557 году Англия, поддержав Испанию, вступила в очередной военный конфликт с Францией. Страна оказалась не готова к войне, денег и войск не хватало. После недельной осады, в начале января 1558 года пал город Кале. Достоинство смогли проявить себя только английский флот и каперы, наводнившие пролив, после того, как в 1557 году Мария Тюдор санкционировала выдачу каперских патентов [5, р. 162]. Прокламация была издана от имени Марии Тюдор и Филиппа II. В основных своих положениях она повторяла прокламацию Генриха VIII, изданную в 1544 г. Процесс получения каперских патентов, позволявших частным судам действовать против врагов Англии, был максимально упрощён. Патент могли получить любые подданные королевы, без составления письменных гарантий и уплаты взносов в пользу королевы, лорда-адмирала или хранителя Пяти портов. Требовалось только оплатить работу чиновника, составлявшего патент [5, р. 162-165]. Английское правительство в очередной раз сокращало контроль за действиями каперов. В 1544 году подобные действия привели к всплеску морского разбоя в Ла-Манше, который не удалось остановить после окончания военного конфликта [18, р. 22].

Вступив на престол в конце 1558 года, Елизавета ещё могла надеяться на успешный исход войны и возвращение стратегически важного порта Кале.

Сообщение о заключении перемирия между Испанией и Францией было оценено королевой неоднозначно. Елизавета решила, что со стороны короля Филиппа это предательство. Понадобилось вмешательство государственного секретаря Сесила, чтобы разубедить её в этом [12, с. 206].

2 апреля 1559 года был заключён мир в Като-Камбрези. Елизавета была вынуждена уступить Кале - открытые двери Англии на континент. На 8 лет город с прилегающими территориями передавался французам. Возможно, только Лондон в те годы мог сравниться по значимости для страны в экономическом, политическом и военном плане с Кале [17, р. 51]. Возрастала зависимость английской торговли от антверпенского рынка. Была заметно ослаблена обороноспособность страны, так как порт Кале позволял контролировать Ла-Манш в месте наиболее удобном для высадки на английское побережье.

Порт Кале был последним английским владением на континенте. Большинство исследователей, упоминая о его потере, отмечало как отрицательные, так и положительные последствия этого события для всей последующей английской истории [7, с. 326; 8, с. 194; 24, р. 25-27]. При этом всеми признавался тот факт, что отныне англичане смогли сосредоточиться на своих островных и морских делах. Это было самым удачным поражением в истории Англии, отмечал А. Роуз [22, р. 4].

В свою очередь мир в Като-Камбрези ознаменовал окончание Итальянских войн (1494-1559 гг.). Франция теряла Пьемонт и Савойю, ряд северных территорий, граничивших с владениями Филиппа II в Нидерландах, и отказывалась от своих претензий в Италии. Следствием этого договора явился брак испанского короля с дочерью Генриха II Изабеллой Валуа [6, с. 59].

Если более тщательно рассмотреть вопрос о потере Кале, можно заметить, что испанский монарх приложил немало усилий, чтобы вернуть город-порт англичанам. Д. Блек отмечал, что желание Филиппа II вновь увидеть Кале во владении англичан было несомненным. Он пытался делать всё возможное, чтобы помочь своему неудачливому союзнику. Но его казна была пуста и он очень нуждался в заключении мира [13, р. 31]. Об этом же свидетельствует переписка испанского монарха со своим послом в Англии графом де Куадра [1, р. 23, 27-8, 31-2, 43]. Можно с большой долей уверенности говорить, что потеря Кале явилась серьёзным ударом по стратегическим интересам Испании в регионе [20, р. 48; 23, р. 4].

Во-первых, испанцы теряли один из лучших союзных портов, наиболее удобный для выгрузки Войск и припасов. Вблизи Кале не было больших песчаных отмелей, которые простирались у Фламандского побережья вплоть до устья Шельды, так называемые "los bancos de Flandes" - кладбища кораблей, внушавшего ужас всем испанским морякам.

Во-вторых, потеря Кале подвергала опасности морское направление от Испании к Дюнкерку, следующему после Кале удобному порту. Как уже отмечалось, наиболее безопасный путь проходил ближе к Кале, где можно было избежать песчаных отмелей. Испанские корабли, шедшие во Фландрию, теперь могли рассчитывать только на милость французов, проходя по морскому пути близ Кале, либо на исполнение англичанами своих союзнических обязательств по обеспечению безопасности в проливе. Необходимо отметить, что после того как англичане лишились базы в Кале, им приходилось затрачивать больше сил и средств для поддержания порядка в проливе.

Вопросы о замужестве королевы, о её намерениях в отношении религиозного урегулирования и о возможных действиях подданных Елизаветы, направленных на дестабилизацию морского сообщения и торговли были наиболее частыми в переписке испанских послов в Англии и короля Филиппа II.

1559 год стал годом испытаний для англо-испанских отношений. В начале года парламент принял статуты о королевском верховенстве и единообразии богослужения, "официально католической Англии пришёл конец" [12, с. 222]. Елизавета продолжала уклоняться от свадебных предложений. Но, несмотря на стремление английского правительства вернуть религию времён Эдуарда VI, Филипп II поставил свои интересы в борьбе с Францией превыше своего религиозного рвения, поддерживая Елизаветинскую Англию в начале правления новой королевы [14, p. 131; 17, p. 55].

Одним из факторов, негативно влиявших на англо-испанские отношения, становятся действия английских пиратов. Ещё при Марии Тюдор у английских моряков стало традицией грабить испанские и португальские корабли в знак протеста против притязаний испанского короля на господство в Англии. При Елизавете нападения на испанские и португальские корабли превратились в дело защиты Англии от испанско-католической опасности, в своего рода патриотический подвиг [10, с. 80].

В переписке со своим послом в Англии, графом де Куадра, от 24 августа 1559 года Филипп II особо обращал его внимание на действия двух англичан, о которых ему стало известно от преданного человека в Англии: "Два капитана по имени Генри Стренгуиш и Уильям Уильфорд вооружают и снаряжают принадлежащие им два корабля, каждый по 140 тонн, в порту Саутгемптона или Плимута, на этих кораблях... они разместили 50 джентльменов со слугами и 500 солдат, с целью направиться в пиратскую экспедицию и разграбить Мадейру. Эти корабли выйдут в конце месяца. Я приказываю вам немедленно переговорить с королевой и просить её от моего имени рассмотреть этот вопрос..." [1, p. 61].

Сведения о подобных приготовлениях в английских портах не могли не вызывать опасений у испанцев, так как именно товары подданных короля Филиппа в последние годы становились обычной добычей пиратов.

Кроме того, обязанности представлять интересы португальского короля, по личному распоряжению Филиппа II, исполнял испанский посол де Куадра [15, p. 84-85].

В донесении королю от 29 апреля де Куадра сообщал, что обратился с соответствующей просьбой к королеве и лорду-адмиралу, как ему и было приказано. Королева обещала, что дело будет в ближайшее время рассмотрено [1, p. 63].

В решении вопроса о деле Стренгуиша была проявлена оперативность. Уже в июне 1559 года против него королевой были направлены корабли [1, p. 79; 2, p. 132].

Как отмечала В.В. Штокмар, на первый взгляд меры по борьбе с пиратством проводились в жизнь английским правительством более или менее систематически [11, с. 107]. Но борьбе с английскими пиратами мешало несколько факторов.

Во-первых, в конце 50-х и начале 60-х годов английское правительство ощущало значительную нехватку средств. Расходование их на крупномасштабные военно-морские операции против пиратов могло ухудшить состояние казны.

Свободная выдача каперских патентов и попытка использовать каперов в 1557 г. во многом была вызвана именно нехваткой средств. Теперь их было недостаточно, чтобы целенаправленно бороться с пиратами и бывшими каперами, занявшимися незаконным промыслом.

Кроме того, английский королевский флот был невелик. К моменту смерти Генриха VIII в 1547 году он насчитывал 53 корабля. К 1555 году их насчитывалось только 30. Ситуация доходила до того, что в 1555 году для сопровождения Филиппа II на континент не смогли сразу найти подходящих кораблей и средств для их снаряжения [17, р. 47]. К 1559 году состояние флота было не лучшим.

Во-вторых, пиратский промысел приносил многим англичанам немалый доход. Фернандес Альварес считал, что, прилагая определённые усилия по борьбе с пиратами, королева в действительности не желала уничтожить пиратский промысел своих подданных, источник богатства её народа [15, р. 84]. Подобное утверждение категорично, но в целом правильно отражало ситуацию, сложившуюся в Англии в начале 60-х годов XVI века. Как отмечала В.В. Штокмар, дворяне, чиновники, придворные и купцы были заинтересованы в продолжении пиратского промысла и сокрытии награбленного [11, с. 107]. Уже к 50-м годам начинают складываться пиратские организации на западном побережье Англии и в Ирландии. В их деятельность вовлекались жители прибрежных поселений, моряки и рыбаки [19, р. 339-342]. Обычно, деятельностью подобных "пиратских кланов" руководили главы крупных аристократических родов, занимавшие крупные чиновничьи должности и обладавшие огромным влиянием в своём регионе. В годы правления Марии Тюдор, преследуемые Керью, Килигрю, Стренгуиши, Трокмортоны, Хорсли, Кобхемы и другие люди, принадлежавшие к лучшим фамилиям Англии, превращались в главарей пиратов. С первых лет правления Елизаветы большинство из них вернулось на службу короне. Нед Хорсли стал сэром Эдвардом Хорсли, губернатором острова Уайт. Генри Килигрю стал личным доверенным лицом Елизаветы и её надёжным агентом [16, р. 437].

Усилив преследование английских пиратов, действовавших в основном против испанцев, португальцев и французозов, правительство Елизаветы могло столкнуться с враждебным отношением со стороны собственного населения, заинтересованного в пиратском промысле.

В-третьих, действия пиратов в основном не противоречили интересам самого правительства Елизаветы, так как формально они действовали по личной инициативе. Кроме того, наличие подготовленных моряков, не чуждых патриотическим чувствам, было полезным подспорьем на случай конфликта с соседними державами.

Всё это объясняет, почему английское правительство не проводило систематических мер по борьбе с пиратством в начале правления Елизаветы Тюдор. Англичане действовали против пиратов крайне неохотно, а их приговоры оказывались на удивление мягкими. Пойманный Генри Стренгуиш был освобождён из тюремного заключения личным приказом королевы 17 декабря 1560 года [2, р. 164].

Сообщения фламандских купцов, активно торговавших с Англией, отражали картину безнаказанных действий английских пиратов. Они сообщали об эскадрах в четыре, пять, а иногда и в девять кораблей, поджидавших их у английского побережья. Бартоломео Корнельсон, житель Антверпена, торговавший с Лондоном, сообщал, что пираты чувствуют себя абсолютно безнаказанно: "Они грабят не только у побережья, но даже на Темзе. Даже перед дворцом королевы в Гринвиче, они стреляли в него и четырьмя или пятью пушечными выстрелами разорвали его паруса. Королева могла бы видеть это из её окон, если бы она была там. Всё это было сделано главным образом потому, что он не позволил им [пиратам - Д.М.] ограбить себя" [3, р. 558].

Свидетели сообщали о том, что нападения повторялись почти непрерывно уже несколько лет подряд. Любые попытки сопротивления подавлялись с особой жестокостью, почти всегда пассажиры и экипаж кораблей подвергались избиению.

Нужно отметить, что в своих жалобах иностранцы апеллируют в первую очередь к королеве. Возможность покончить с морским разбоем в их сознании связывалась главным образом с доброй волей королевы.

То, что пираты действовали непосредственно у побережья Англии, на Темзе и вблизи береговых укреплений, как, например, у замка Фолкстон [3, р. 559], свидетельствовало о том, что местные власти либо были неспособны справиться с пиратами, либо были как-то связаны с ними. Это позволяло морским разбойникам надеяться, что в случае поимки их наказание будет заметно смягчено.

Встречаются, хотя и достаточно редко, сообщения о злоупотреблениях со стороны официальных английских чиновников и военных. Так, Жак Вульферт, очередной торговец из Антверпена, сообщал, что в 1560 году, на Пасху, их корабль был задержан английским военным кораблём "Мэри Роуз". После осмотра англичане конфисковали бочку пива [3, р. 560]. Конечно, подобные действия английских военных не говорят о какой-либо целенаправленной политике английского правительства, а скорее свидетельствуют о плохой дисциплине отдельных английских офицеров.

Судебные процессы в связи с поимкой пиратов продолжали оставаться достаточно редкими событиями. Исключением выглядит судебное разбирательство от 28 мая 1561 года, по делу выгрузке товаров, украденных с испанского торгового корабля [2, р. 172].

Безнаказанность позволяла пиратам действовать более агрессивно. В июне 1561 года начинают поступать сведения о нападениях на фламандских рыбаков.

Нападению подверглись рыбаков из Остенде и Дюнкерка. Пираты отбирали часть улова, провизию и все ценные вещи, вплоть до одежды экипажа. Особенно агрессивно вели себя пираты с большого чёрного корабля. Они не просто грабили рыбаков, но портили снасти, наносили оскорбления и избивали экипаж, требуя передать всем о случившемся здесь [4, р. 135]. Несмотря на то, что они старались скрыть свои лица, их капитана опознали. По свидетельствам моряков из Остенде их грабил Уильям Джонсон, капитан корабля из Бостона [4, р. 137].

Не меньшей агрессивностью отличались пираты, атаковавшие у английского Бьервика рыбаков из Дюнкерка. Пираты на большом хорошо вооружённом и окрашенном в красный цвет корабле брали на бордаж рыбаков суда. Команда подвергалась избиению и словесным оскорблениям, все ценности грабители забирали себе, а часть груза рыбы, который они не могли взять с собой, пираты выбрасывали за борт. Самим кораблям портили снасти так, что те более не могли продолжать рыбной ловли [4, р. 144, 149, 166-167].

Присутствие иностранных рыбаков вблизи английского побережья вызывали большое раздражение англичан, также заинтересованных в этом промысле [16, р. 433]. Можно с уверенностью сказать, что ограбление рыбаков не могло принести большой прибыли морским разбойникам. Все пострадавшие подчеркивали, что им портили снасти и запугивали. Таким образом, происходившее было скорее проявлением недовольства действиями иностранцев, лишавших англичан заработка.

Действия морских разбойников были направлены против подданных короля Филиппа II, с целью нанести им максимальный материальный ущерб и вытеснить из английских вод. Английские пираты действовали на свой страх и риск, исходя из собственных представлений о справедливости, пытаясь бороться с конкуренцией иностранных рыбаков таким незаконным способом.

Провокации английских пиратов вызывали серьёзную обеспокоенность у испанского правительства и Маргариты Пармской, испанской наместницы в Нидерландах. Испанский посол неоднократно обращался к членам Тайного Совета, лорду-адмиралу и королеве с просьбой покончить с пиратами, действия которых грозили нарушить торговлю и рыбацкий промысел, осуществлявшиеся испанскими и фламандскими кораблями. Они в основном и подвергались нападениям со стороны пиратов, которые перед атакой интересовались, кому принадлежит судно [4, р. 166].

Ещё более обострились англо-испанские отношения в связи с событиями на Азорских островах. Англичане Пуль и Чемпнейз промышляли захватом кораблей близ Азорских островов. В сентябре 1560 года они на французском корабле, гружёном льняными тканями, прибыли на Канарские острова. Здесь они заявили, что хотят сбить товар. Англичан обвинили в пиратстве и арестовали корабль. В ответ на это Пуль и Чемпнейз направили жалобы как к английскому, так и к испанскому правительству, ссылаясь на то, что французский корабль на самом деле является призовым судном, захваченным ими на основании патента, выданного шотландской знатью [3, р. 557]. В 1559-1560 гг. шотландские протестанты, возглавляемые Джоном Ноксом подняли восстание и начали выдачу своих патентов, направленных против французских и шотландских католиков. В 1560 году Елизавета санкционировала английскую интервенцию в Шотландию. Поэтому не удивительно, что англичане смогли заполучить патент от представителей мятежной шотландской знати, которую поддержала Елизавета. Несмотря на заявление Пуля и Чемпнейза о наличии у них патента, они были арестованы.

Таким образом, наличие патента, не могло в полной мере оградить его обладателя от наказания. Патент шотландских протестантов не брался в расчёт испанскими властями, так как испанцы не признавали легитимности лиц, выдавших патент.

Вскоре английским пиратам, задержанным на Канарских островах, удалось бежать, захватив испанский торговый корабль, в тот момент, когда его экипаж был в церкви на рождественском богослужении [4, р. 236; 10, с. 80-81].

Испанские власти, учитывая сложившуюся ситуацию, решили прибегнуть к силовому давлению. Как отмечал Фернандес Альварес, постоянные нападения англичан на кастильские корабли и бездействие английских властей вынудили Филиппа II "добиваться справедливости своими руками" [15, р. 84].

В ответ на произошедшее, у Азорских островов в июле 1561 года было арестовано 5 английских торговых кораблей. Англичан задержали суда испанского флота, возвращавшегося из Вест-Индии. Их обвинили в содействии бежавшим пиратам и направили для разбирательства в Севилью [1, р. 215], куда и следовала испанская эскадра.

События частного характера, таким образом, начинали принимать масштабы международного конфликта. Произошедшее вызвало незамедлительную реакцию со стороны английского правительства и королевы Елизаветы. 20 июля она лично обратилась с просьбой к испанскому послу содействовать в решении возникшего вопроса.

Де Куадра сообщал: "Я вынужден от лица королевы писать вашему Величеству, чтобы просить вас приказать отпустить 5 английских кораблей, гружёных вайдой, которые были захвачены у острова Св. Михаила вашим флотом из 12 кораблей, возвращавшимся из Индий, так как решили, что они в сговоре с английским пиратом, бежавшим из тюрьмы на острове Ла-Пальма, где он ограбил несколько каравелл. Они [королева - Д.М.] просят задержать и наказать только пирата (если таковой будет найден) и людей ему помогавших" [1, р. 209].

В ближайшие дни королева обещала испанскому послу отдать распоряжения, необходимые для начала борьбы с пиратами в английских водах. Возможно, это стало одним из условий быстрого решения вопроса о судьбе английских кораблей, захваченных у Азорских островов.

22 июля королева отдала распоряжение всем вице-адмиралам организовать защиту морской торговли и рыболовства, осуществляемого как англичанами, так и иностранцами [2, р. 180]. В августе на острове Мэн были задержаны бежавшие с Канарских островов Пуль и Чеппнейз. Испанский корабль был возвращён владельцам вместе с грузом [4, р. 235].

Кроме того, для решения проблемы пиратства Елизавета обратилась к шотландской королеве Марии Стюарт: "Король Испании не раз писал мне [королеве Елизавете - Д.М.], что не только подданные короля Португалии, но и его собственные, как испанские, так и из Нидерландов, время от [времени] подвергаются на море нападениям пиратов. Некоторые говорят на английском языке, но большинство из них шотландцы, промышленяющие как в южном, так и в северном морях. Аналогичные жалобы поступали и в июле от его посла... В ответ на это, мы ввели некоторые новые законы во всех своих портах... однако, посол заявил, что не удовлетворен этим. Мы должны были направить некоторые из своих кораблей в море, что и было сделано. В настоящее время, как сообщают, большая часть этих пиратов укрылась в шотландских портах. Как нам известно, некоторые знатные пираты, наши подданные, находятся в Шотландии, их имена Мэричард, Джон Уайтхед, Джонсон и их сообщники. Мы искренне надеемся, что можем просить их выдачи, и что они будут в сохранности доставлены в Бьервик" [4, р. 270].

Испанский посол де Куадра сообщал 29 августа герцогине Пармской слова, сказанные ему лично английским государственным секретарём Сесилом: "Отныне фландрские рыбаки без опасений могут следовать к местам рыбной ловли, так как англичане направили для борьбы с пиратами 5 кораблей" [1, р. 211]. Это был несомненный успех испанской дипломатии.

Как следует из письма, направленного Марии Стюарт, многие из пиратов искали убежища в портах, неподконтрольных Англии, что значительно осложняло их поимку.

Елизаветинским правительством в короткий период были предприняты значительные усилия, чтобы остановить разгул пиратства. Угроза обострения отношений с Испанией и опреде-

лённое силовое давление заставили английское правительство, ощущавшее свою слабость, пойти на уступки.

В 50-х годах безопасность испанских и фламандских кораблей в проливе гарантировалась, благодаря англо-испанскому союзу, подкреплённому браком Марии Тюдор и Филиппа II. В 60-х годах оборона морского пути в Нидерланды не являлась приоритетной, силы и средства Испании были отвлечены на подавление выступлений внутри страны и борьбу с турками [23, р. 4]. В лучшем случае испанцы могли использовать небольшие эскадры плохо вооружённых торговых судов, реквизируемых или арендованных для проведения отдельных операций.

Таким образом, англо-испанские отношения в первые годы правления Елизаветы Тюдор во многом зависели от вопроса о безопасности морского сообщения. Испанские союзники готовы были позволить англичанам продолжить реформацию, но очень трепетно относились к нарушению последними союзнических обязательств по обеспечению безопасности морского сообщения. Как мы увидели, ни действия Елизаветы в отношении религиозного урегулирования, ни авантюра в Шотландии, предпринятая в 1560 году, не вызвали резкой реакции со стороны испанских властей. К первой серьёзной конфликтной ситуации привело бездействие англичан в борьбе с пиратами. Но разговор с позиции силы мог привести к непредсказуемым последствиям. Арест английских торговцев в районе Азорских островов мог подействовать только в случае, когда союз с Испанией был необходим для Елизаветы, старавшейся укрепить своё положение в стране. На этот раз крупного конфликта удалось избежать. Но уже в 1564 году действия английских каперов и пиратов, активизировавшихся в результате англо-французского конфликта 1562-1564 гг., привели к более серьёзным разногласиям между Испанией и Англией.

Источники

1. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas. Vol. I. 1558-1567. L., 1892.
2. Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth. Vol. I. 1547-1580. L., 1856.
3. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reigns of Elizabeth. Vol. III. 1560-1561. L., 1865.
4. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reigns of Elizabeth. Vol. IV. 1561-1562. L., 1865.
5. Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. L., 1915.

Литература

6. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Том 2. М., 1951.
7. Грин Дж. Р. История Англии и английского народа. М., 2005.
8. Дэниел К. Англия. История страны. М., 2007.
9. Шитов А.Е. Английское пиратство в раннее Новое время: обзор литературы и источников // Известия АлтГУ. 2009. № 4.
10. Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957.
11. Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.
12. Эрикссон К. Елизавета I. М., 2005.
13. Black J. B. The Reign of Elizabeth 1558-1603. Oxford, 1937.
14. Davies T. R. The Golden Century of Spain, 1501 - 1621. L., 1937.
15. Fernandez Alvarez M. Tres Embajadores de Felipe II en Inglaterra. Madrid, 1951.
16. Froude J. A. History of England from the Fall of Wolsey to the death of Elizabeth. Vol. VIII. L., 1863.
17. Hammer P. Elizabeth's Wars: War, Government and Society in Tudor England, 1544-1604. New York, 2003.
18. McDermott J. England and the Spanish Armada. The Necessary Quarrel. L., 2005.
19. Mathew D. The Cornish and Welsh Pirates in the Reign of Elizabeth // English Historical Review. 1924. № 39.
20. Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567-1659. Cambridge, 2004.
21. Parker G. The Grand Strategy of Philip II. L., 1998.
22. Rowse, A. L. The Expansion of Elizabethan England. L., 1971.
23. Stradling R. The Armada of Flanders. Spanish Maritime Policy and European War, 1568-1668. Cambridge, 1992.
24. Wernham R. The Making of Elizabethan Foreign Policy, 1558-1603 // Una's Lectures. 1980.
25. Williamson J.A. The Age of Drake. L., 1938.